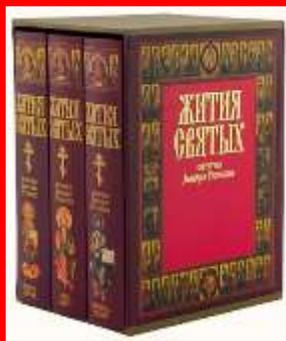
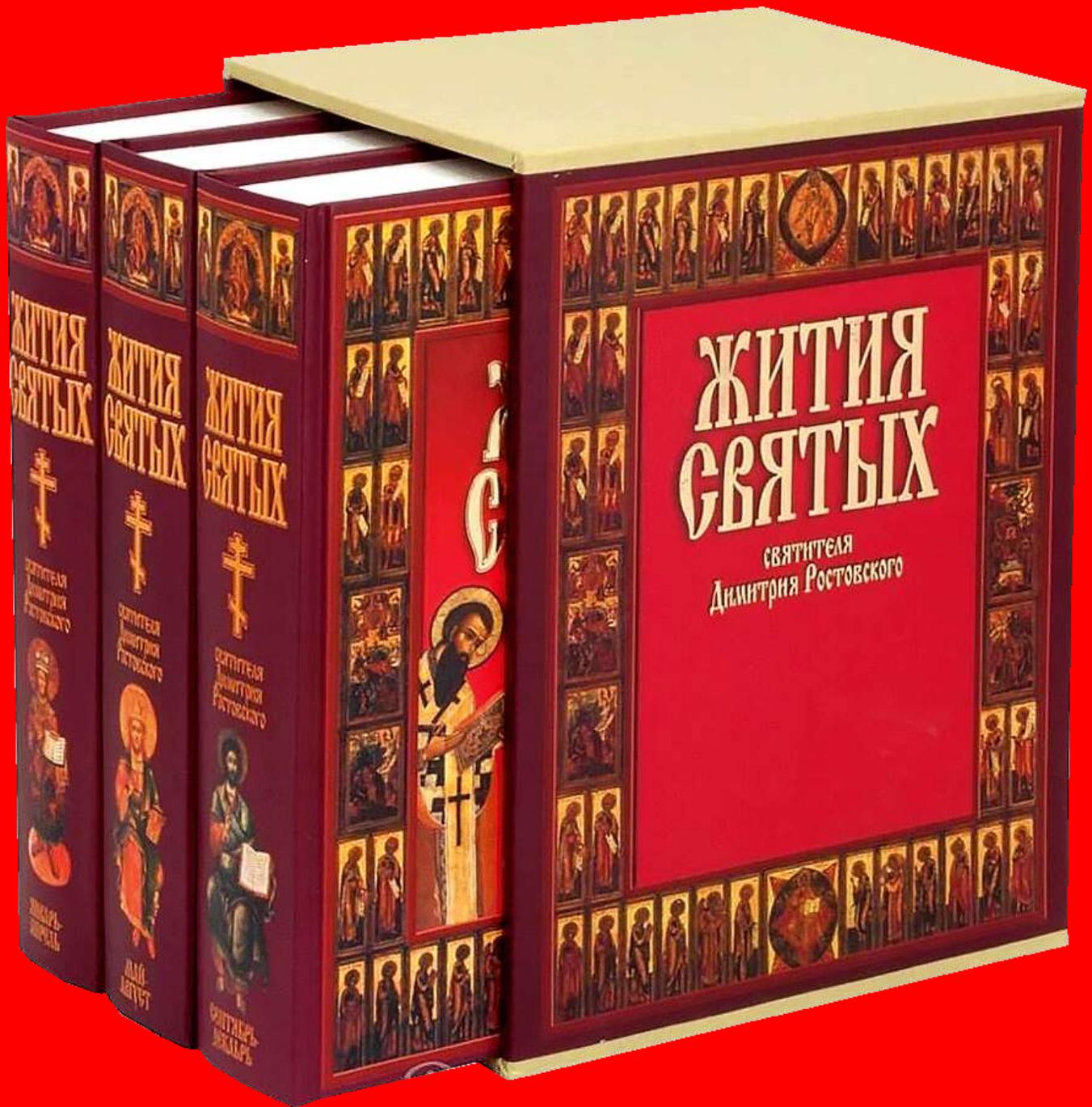

TEZĂUR LITURGIC
27 DECEMBRIE
SF.DIMITRIE AL ROSTOVULUI

VIAȚA
SF.CUVIOS-
MĂRTURISITOR
TEODOR GRAPTUL
DE LA
SF.SAVA-ISRAEL

MOSCOVA, 2016

Житие и страдание святого преподобномученика и исповедника Феодора и брата его преподобного Феофана¹ начертанных

Среди мучеников, пострадавших за Христа, одни подвизались за христианскую веру, противостоя защищавшим свое идолопоклонническое заблуждение язычникам, другие же, подвизаясь за правую веру против христиан же, но только неправославно веровавших, понесли не меньше трудов, чем первые, за что и получили равные с ними венцы. В ряду последних находится дивный и великий Феодор.

Феодора возрастила Палестина, данная Богом в наследие Аврааму и справедливо называемая землей обетованной, так как не только из нее вышел весь лик пророков и патриархов, но и Сам Христос по плоти произошел из нее же, а также и весь собор Богоугодных апостолов. Та же страна явила миру и этот светильник веры и столп благочестия, - святого Феодора, ибо его благородные родители², все состояние и богатство коих заключалось в том, что они

именовались христианами, жили во святом граде Иерусалиме.

Святой Феодор еще в юности приобрел великую мудрость, и в отроческие лета он обладал уже не отроческим умом, вместо того, чтобы заниматься детскими играми или увлекаться зрелищами, он постоянно пребывал в храмах Божиих и не было для него ничего приятнее, как взирать на дела благие и честные и поучаться им. Вместе с тем он обнаруживал также беспрекословное повиновение своим родителям. Одним словом, преподобный, подобно плодоносному саду, с самого начала своей жизни показал, каков он будет впоследствии. Когда он подросток, родители отдали его в монастырь святого Саввы³ одному ученому и добродетельному пресвитеру, чтобы он изучил Божественные книги Священного Писания, а вместе с этим обучился и страху Божию. У Феодора был брат, по имени Феофан, моложе его по возрасту, но равный ему по добродетели. Он вместе со старшим братом находился в обучении у одного и того же пресвитера. Обладая острым умом, Феодор в короткий срок прошел всю преподанную ему книжную мудрость. Не довольствуясь этим, но стремясь к приобретению более высоких познаний, он вышел из обители и, найдя одного преклонных

лет человека, преисполненного мудрости, упросил его, чтобы тот взял его к себе в ученики. От этого человека святой Феодор не только вполне усвоил всю внешнюю мудрость⁴, но также приобрел прочный навык и в духовном ведении. Он научился от старца презирать мир и все мирское и, овладев в совершенстве обеими науками - мирской и духовной - снова вернулся в обитель святого Саввы.

Сделавшись иноком и творя угодные Богу дела, Феодор многих превзошел своей жизнью. Кто был там более кроток, чем он? Кто незлобивее его? Кто воздержнее? Кто лучше его знал время, когда надо было молчать или сказать что-нибудь, или исполнить какое-либо дело, так чтобы ни нарушить свое безмолвие, ни потерять случай сказать в свое время что-нибудь полезное, ни пропустить какую-либо монастырскую работу? Кто в такой степени умертвил свое тело, обуздал язык и глаза и отразил нападение помыслов, в какой сделал все это Феодор? За такие его добродетели, по Божию смотрению и по желанию всей братии обители, Иерусалимский святитель посвятил его в сан пресвитера. Таким образом обитель святого Саввы имела его у себя как добрую пчелу, прилежно собирающую мед добродетелей. О Феодоре надо еще сказать, что он уподобился

пророку Иеремии, которому сказано: **"Прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя"** (Иер. 1,5). Ибо когда он еще отроком жил в Лавре⁵ и обучался грамоте у вышепомянутого пресвитера, то этот боговдохновенный муж пророчествовал о нем, что сей прекрасный юноша завершит свою земную подвижническую жизнь мученической кончиной ради Христа. Это и сбылось впоследствии, как покажет дальнейшее повествование.

В то время снова вспыхнула иконоборческая ересь, искорененная из церкви после Льва Исаврянина⁶, Константина Копронима⁷ и его сына Льва⁸, и преданная проклятью VII Вселенским собором⁹, созванным благочестивой царицей Ириной и ее сыном Константином¹⁰. Вновь восстановил эту ересь злочестивый царь Лев Армянин¹¹, о первоначальной жизни которого здесь уместно будет сказать несколько слов. В царствование Никифора¹² он был сперва начальником армянской гвардии, а потом знатным сановником и предводителем восточной армии. Затем он хитростью взошел на престол, свергнув доброго и благочестивого царя Михаила, по прозвищу Рангава¹³, которого он заставил постричься в иночество; при этом он

оскопил его сыновей Игнатия и Феофилакта и отослал Михаила с женой и детьми в заточение. Когда святейший патриарх Никифор¹⁴ венчал Льва Армянина в соборной церкви на царство и возлагал на голову его венец, то почувствовал в руках своих боль, как от терния, как будто венец в руках святителя стал терновым, причинявшим болезненные уколы, и понял тогда святейший патриарх, что это ясное знамение тех великих скорбей и бедствий, которые нанесет впоследствии Христовой церкви этот царь.

Вначале лукавый царь скрывал таившуюся в нем ересь и казался как бы благочестивым, пока не укрепился на престоле. Но после великой войны с болгарами, в которой он явился славным победителем, он, наконец, извергнул таящийся в нем яд злобы, открыто показав себя иконоборцем. Началось это так: вернувшись с войны, царь вспомнил об одном затворнике, некогда предсказавшем ему, что он будет царем, что и сбылось. Задумав отблагодарить его за это пророчество, царь послал ему с одним верным слугой разные дары: золотые и серебряные сосуды, различные кушанья и индийские ароматы¹⁵. Но царский посланник не застал уже этого инока, так как тот скончался, а вместо него в том же затворе жил ученик его Савватий.

Посланник царский стал уговаривать его принять царские дары, присланные его учителю и помолиться о царе. Но Савватий отверг дары, а вместе с ними и принесшего их, и назвал царя недостойным царского престола за то, что он почитает иконы и повинуется догматам, установленным прежней царицей Ириной и бывшим патриархом Тарасием¹⁶. При этом окаянный злословил на Ирину и Тарасия, называя первую рысью, а второго народным возмутителем, царю же Льву он угрожал скорым лишением царства и жизни, если он в непродолжительном времени не отвергнет икон, как идолов.

Возвратившись к царю, посланник рассказал ему все слышанное от черноризца и передал еще письменное послание от сего о том же. В недоумении царь призвал одного из вернейших своих советников, по имени Феодот, сына Мелиссийского патриция Михаила¹⁷, по прозвищу Касситер, и наедине советовался с ним, что делать. Феодот уже давно был заражен иконоборческой ересью и только выжидал удобного случая, чтобы открыто исповедать свое нечестие. Он дал царю следующий совет:
- В Дагистинском монастыре, - сказал он, - живет один святой инок, чудотворец и

прозорливец: надо с ним побеседовать и поступить так, как он посоветует.

Когда царь согласился с ним, Феодот тайно поспешил в Дагистинский монастырь к намеченному им черноризцу, который был еретиком. Придя к нему он сказал:

- В наступающую ночь царь придет к тебе в худой одежде, чтобы побеседовать о вере и других предметах, и получить от тебя разумный совет. Ты же убеди его принять отвергнутые догматы прежнего царя Льва Исаврянина и выбросить из Божьих храмов идола (так окаянный называл святые иконы). Затем постарайся устрашить его, что если он этого не сделает, то в скором времени, вместе с жизнью, лишится и царства, если же он пообещает исполнить это, то пророчески предреки ему долгую жизнь и благополучное царствование. Таким образом, еретик Феодот с еретиком же иноком стоворились привлечь к своему нечестью царя, имевшего удобопреклонное к их замыслу сердце. Ничего не зная о лукавстве Феодота, царь ночью встал и в худой одежде (чтобы не быть узнанным) пошел к этому ложному чудотворцу и лживому пророку. Проводником его был все тот же Феодот. Когда они пришли к помянутому черноризцу и беседа уже началась, черноризец, стоя около царя и как бы по

Божественному откровению узнав об его царском сане, с удивлением произнес:

- Нехорошо поступил ты, царь, скрывая перед нами под худыми одеждами свое царское достоинство. Но хотя ты и поступил так, однако благодать Духа Божия не позволила нам долго оставаться в неведении и открыла, что ты царь, а не простой человек.

Царь пришел в ужас от этих слов и, убедившись в святости и прозорливости черноризца, поверил его пророческому дару и способности чудотворения. Он легко склонился к тому, что тот приказывал, нисколько не сомневаясь во всем, что пророчествовали его уста, и принимая губительный для души и полный змеиного яда совет еретика, как здравый и душеполезный. Немедленно же он обещался исполнить все советы черноризца, наученного подобным ему еретиком Феодотом, и ушел полный злого намерения воздвигнуть гонение на святые иконы. И вот, подобно сильной буре, нечестивый царь начал возмущать покой Церкви Христовой. Святейшего патриарха Никифора, не потворствовавшего его нечестивому намерению, он сослал в заточение в Проконисс¹⁸; точно так же изгнал он и заключил в отдаленных странах Феофана, настоятеля обители, известной под названием Великого Села¹⁹, а также Феодора

Студита²⁰ и многих других великих и Боговдохновенных отцов, сильно сопротивлявшихся ему. На патриарший же престол он возвел в самый день Воскресения Христова вышеупомянутого еретика Феодота Милиссийского, по прозвищу Касситера. И был он, как **"мерзость запустения, стоящая на месте святом"** (Мф. 24:15; Дан. 9:27).

Тогда Бог, в праведном гневе Своем на нечестие царя не замедлил наказать его своим судом и попустил внезапное нашествие иноплеменников. То были обитавшие в восточных пустынях аравитяне, собрав всю свою силу, они вторглись в греческие области, опустошая земли, нападая на палестинские монастыри и, между другими, на обитель святого Саввы, где иночествовал блаженный Феодор со своим братом Феофаном. Святейший патриарх святого града Иерусалима понял, что это казнь за грехи и следствие гнева Божия за бесчестие и отвержение святых икон. Побуждаемый ревностью по православию он начал искать, каким бы образом погасить это пламя и обличить зло, творимое нарушителями отеческих преданий, вводящими новшества. После некоторых поисков, он нашел подходящего для этого дела человека в лице преподобного Феодора, известного своей праведной жизнью и мудростью, дышавшего

Божественной ревностью и с непоколебимым мужеством стоявшего на страже православия. Оградив его молитвой и утвердив надеждой на Христа, патриарх послал его в царствующий град для обличения беззакония.

Блаженный Феодор, как послушный сын, не отказался от исполнения приказания. Готовый немедленно понести за правую веру не только многочисленные труды, но и принять страдание и даже душу свою положить за честь святых икон, он с радостью повиновался. Взяв с собою своего брата Феофана, Феодор отправился в путь и скоро достиг царской столицы. Здесь он прежде всего бесстрашно обличил в ереси наемника, не бывшего пастырем, т.е. Феодота Милиссийского, лжепатриарха

Константинопольского. Преподобный открыто укорял его в том, что он развращает тех, кем и управляет, губит словесных овец стада Христова, питаемых вредной пищей еретического учения, и разоряет церковь правоверия, созидавая капище зловерия. Представ затем перед самим царем и имея в устах Божественное слово, подобное острому мечу, Феодор начал устрашать царя, ясно доказывая ему, что он не только губит свою душу, но и людей Божиих влечет за собою в погибель, развращая их посредством обмана. В то же

время он умолял его снова вернуться к благочестию, оставив злочестивое мудрование. - Может быть, - сказал он, - ты умилоставишь таким образом Господа и не испиешь всю чашу гнева Божия, тяготеющего над тобою.

Удивившись свободной речи мужа, убедительности его слов, кротости нрава и его бесстрашному дерзновению, царь кротко принял обличение. Призвав его вторично, царь начал дружески беседовать с ним, спросил, кто он, откуда пришел и чего хочет достигнуть своей дерзновенной речью. Сообщив царю о своем отечестве и прибытии из Палестины, святой рассказал также и о причине своего прихода, а именно, что нарочно пришел к нему, чтобы открыто вступить за Божию честь, видя, как бесчестят Царя Небесного в Его иконах и оскорбляют Его в лице неправедно гонимых служителей Его.

- Не подобает, - говорил он, - бояться земного царя больше небесного; наш долг обличать царей, если они прогневают Бога.

Затем преподобный стал излагать догматы святой веры и учить воздаянию Божественным иконам должного поклонения. Приведя много мест из Священного Писания, он прибавил, что почитание святых икон есть знак нашей любви и стремления ко Христу, а также свидетельство

нашей веры и нашего исповедания Его воплощения. Царь долго спорил с ним, много возражал ему от своего зловерия, но безуспешно, так как слова Божественного мужа были тверды, как адамант, а вера его непоколебима, как твердая стена. После долгого спора Феодор победил царя в словопрении и доказал ему несправедливость его воззрений. Что же тогда сделал лукавый царь? Он задумал лестью поколебать непоколебимого, пытаясь мольбой и дарами, и обещанием почестей склонить Феодора к единомыслию с собой, но не имел успеха. После многих увещаний со стороны царя, святой смело и безбоязненно сказал ему: - Ты забыл свои обеты, царь, данные тобою Богу, когда архиерей возлагал венец на твою главу. Пощади свою душу, верни церкви украшение ее, не воздвигай брань на Бога, Судью праведного и крепкого!

Тогда царь переменил коварную кротость на свою природную и свойственную его имени звериную ярость. Он приказал долго и сильно бить исповедника Христова Феодора и его брата Феофана, и затем сослал их в заточение к морскому устью, запретив кому бы то ни было подавать им пищу, питье и одежду, чтобы, как говорил нечестивый царь, "злые погибли злою смертью".

Но когда святые страдали за Христовы иконы, томимые хладом, голодом и жаждою, "Бог отмщений Господь" не замедлил воздать незаконному Своим праведным судом. В скором времени имеющий общие со зверями имя и жестокость погиб общей с ними смертью, ибо его закололи, как зверя. Гибель эта была предзнаменована в особом откровении, которое получила мать царя незадолго до смерти своего нечестивого сына. Уже много лет она была вдовой и проводила воздержную жизнь. Однажды во сне она имела следующее видение: ей казалось, что она шла во Влахернскую церковь Пречистой Девы Богородицы²¹, и, входя в дверь, встретила некую пресветлую Деву, окруженную множеством мужей в белых ризах, между тем как церковь была залита потоками крови. Дева велела одному из мужей, облеченных в белые ризы, почерпнуть и наполнить кровью глиняный сосуд и отдать его матери нечестивого царя, чтобы та выпила. Видя это, мать царя с ужасом сказала:
- Я уже много лет не ем мяса по причине моего вдовства и не беру в уста чего-либо кровавого. Как же я буду пить эту кровь?
Тогда пресветлая Дева с гневом спросила ее:

- Зачем же сын твой не перестает исполняться крови и этим прогневляют Меня и Моего Божественного Сына?

Здесь сон прервался, и мать царя тотчас же проснулась в страхе и трепете. С этих пор она стала непрестанно и со слезами увещевать своего царственного сына, чтобы он перестал низвергать святые иконы и проливать из-за них христианскую кровь. Но второй Иуда, послушный раб ереси и лукавый обманщик, остался неисправимым.

Вскоре после того было и второе видение, на этот раз самому царю, за шесть дней до его мучительной кончины. Ему явился в видении святейший Тарасий, давно уже скончавшийся и бывший патриархом в царствование Ирины и Константина. С великим гневом Тарасий повелевал в видении некоему мужу, по имени Михаилу, ударить царя мечом. Исполняя повеление, Михаил нанес царю сильный удар мечом и пронзил его. Царь видел все это сам и проснулся в великом трепете, недоумевая, что это должно означать. Думая, что в монастыре святого Тарасия, живет какой-то Михаил, замышляющий убить его, он тотчас же послал за монахами, и, разведывая о Михаиле, приказал держать их в оковах, пока они не представят ему находящегося среди них Михаила.

В Константинополе в это время проживал некий воевода, по имени Михаил, а по прозвищу Травлей или Валвос²², родом из Амореи²³. Прежде он сам много помогал Льву в достижении царского престола, был верен ему и любим им, так что Лев даже стал приемником его сына. Но, впоследствии, разгневавшись на царя по какой-то причине, Михаил переменил свою дружбу на вражду и, пируя со своими друзьями, часто в пьяном виде, по неосторожности, злословил царя. Видя, что Михаил враждебно относится к царю, некоторые из тайных врагов последнего присоединились к нему и число их было не мало; они совещались убить царя, а Михаила возвести на царство. Будучи невоздержан на язык, Михаил не скрыл этого, но где-то похвалился, что будет царем. Это слово дошло до царя, и он немедленно схватил Михаила и осудил его на сожжение живым. Связанного Михаила уже вели в банную печь, около которой присутствовал царь, желая сам увидеть его кончину. Это было 24 декабря в канун Рождества Христова. Жена царя, Феодосия, узнав об этом, поспешно вышла из своих палат и стала с гневом укорять царя и даже называть его богопротивным за то, что он не почитает даже святого дня, когда ему предстоит причаститься Божественных Тайн.

Царь послушался ее и велел вернуть Михаила, отлагая его сожжение до другого времени, а затем, обернувшись к царице сказал:

- Я поступил, как ты повелела, жена, и сегодня послушался твоего гневного увещания, но и сама ты и дети наши увидите, что будет после.

Этими словами беззаконный царь невольно изрек о себе пророчество, потому что близка была его кончина.

Сторожить закованного Михаила царь поручил одному из дворцовых стражников, по имени Папий, а сам взял к себе ключи от оков узника и всю эту ночь провел без сна и в печали, - это скорбел дух его, не ведая, что делать. Встав, царь пошел взглянуть на узника, - что тот делает: плачет ли и сетует ли, как-то обыкновенно бывает у осужденных на смерть? Открыв тихонько тайную дверь в комнату Папия, он увидел нечто совершенно неожиданное для себя, именно Михаила, которого он надеялся найти сетующим и скорбящим, он увидел в глубоком сне, почивающим на высоком и украшенном ложе Папия, а самого Папия, дремлющим на голой земле. Царь пришел в ужас, видя осужденного узника в таком почете и спокойствии, и удалился в гневе, грозясь погубить не только Михаила, но и Папия. Это слышал один отрок,

находившийся в той же комнате. Узнав царя, он разбудил Михаила и Папия и рассказал им, что приходил царь и грозился погубить их обоих. Все были в страхе. Тогда Михаил, без сопротивления со стороны Папия, послал к своим единомышленникам некоего Феоктиста с повелением сказать им:

- Если вы теперь же без промедления не приведете в исполнение того, о чем мы совещались, то завтра я расскажу о вас царю и обличу каждого поодиночке, чтобы не один я погиб злою смертью, но и вы все умерли вместе со мною.

Соучастники в заговоре испугались такой угрозы и, собравшись, стали обдумывать, как бы им избавиться и себя и Михаила от угрожающей беды и смерти. Дело было в полночь, и в церквях начиналось обычное всеобщее бдение под Рождество Христово. Посоветовавшись, они спрятали оружие под одеждой и пошли к так называемым слоновым деревьям, ведущим в царский дворец. Смешавшись там с царскими певчими, входившими через эти двери во дворцовую церковь, они вместе с ними вошли в церковь, как бы на бдение. Царь также пришел в церковь и, стал на правом клиросе, как он обыкновенно делал, он сам начинал церковное пение, обладая очень громким голосом.

Уже пели канон и приближалась седьмая песнь, когда заговорщики тихо стали говорить друг другу:

- Что мы здесь стоим без дела? Скоро кончится пение. Чего же мы ждем?

В это самое время царь громко запел 7-й ирмос второго канона на праздник Рождества Христова. И вот один из заговорщиков, вынув меч из-под одежды, бросился на царя, но ошибся: вместо царя он ударил регента правого клироса, потому ли, что он ростом походил на царя, или же потому, что вследствие стужи он имел, так же как и царь, покрытую голову; когда регент обнажил голову, то ошибка обнаружилась. Сам же царь, увидев их замысел, побежал в алтарь и, схватив крест, стал им защищаться в дверях, отражая удары заговорщиков. Но вот подошел какой-то страшный воин громадного роста. Увидав этого воина, царь начал заклинать его Божьим алтарем не причинять ему зла.

- Теперь время не заклинаний, но убийства, - ответил тот и нанес Льву Армянину своим оружием сильный удар, жестоко поразив его и отрубив руку вместе с концом креста. Тогда и остальные воины начали рубить царя по всему телу. Упав на пол, Лев лежал в луже своей крови

и еще продолжал дышать. Видя, что он еще дышит, один из воинов отсек ему голову. Так, закланый, как зверь, беззаконный царь на рассвете дня в жестоких мучениях испустил свой дух. Убит он был на том самом месте, где впервые дерзнул бросить на землю, оплевать и растоптать ногами образ Спасителя.

Прощарствовал Лев Армянин 7 лет и 5 месяцев, но своею жестокостью сравнялся с великими древними гонителями церкви. По совершении убийства, тело его было выброшено на площадь города и весь день пролежало неубранным. И не было никого, кто бы пожалел о его смерти, но весь город радовался.

Рассказывают еще, что в тот самый час, когда был убит этот окаянный хулитель икон, был слышен с неба радостный глас, возвещавший многим смерть злочестивого царя. Некоторые моряки, слышавшие этот глас, записали час и потом узнали, что в это время действительно погиб кровопийца, подобный, согласно своему имени, зверям. С детьми же его случилось в удвоенной степени то, что он сам причинил детям своего предместника, царя Михаила Рангава: как было уже сказано выше, он оскопил двух сыновей Михаила, точно также были оскотлены и его четыре сына: Василий, названный Константином и предназначенный к

царствованию, Савватий, Григорий и Феодосий, Последний не вынес болезни, следующей за оскотлением, умер и был погребен вместе с отцом, а Василий, названный Константином, онемел от той же болезни. Все они были заточены вместе с их матерью.

После убийства Льва, воины отправились к Михаилу и посадили его на царский престол с оковами на ногах (ибо ключ от оков, как было сказано, хранился у самого царя Льва).

Затем, когда уже наступил день, они разбили оковы и отвели его в собор. Таким образом Михаил Травлей венчался на царство в самый день Рождества Христова.

Вскоре после воцарения Михаила, все Христовы исповедники были освобождены из заточения, и невозбранно вернулись к себе домой. Хотя новый царь Михаил не был православным и был приверженцем той же иконоборческой ереси, однако он не преследовал православных, предоставляя каждому свободу веровать по своему. Он был человек несведущий в слове Божиим и не занимался книжным чтением, но был весь погружен в мирскую суету и житейские попечения.

Блаженный Феодор со своим братом Феофаном вернулись, однако, не в свое отечество - Палестину, но в Царьград, - удел, доставшийся

им для проповеди, и начали открыто исповедывать благочестие, многих отвращая от иконоборческой ереси и наставляя в истинной вере.

Жил в то время в Царьграде некий муж, по имени Иоанн²⁴, который держался той же ереси, что и царь, и пользовался у него большим влиянием. Нося иноческую одежду и лицемерно показывая себя образцом добродетелей, он обманул не только царя, но и многих членов верховного правительства, так что те его слушали и во всем следовали его лукавым советам. Он взошел на патриарший престол, наследуя еретика Феодоту, будучи и сам таким же еретиком. Не желая видеть на свободе Феодора и Феофана, этих двух светильников православия, просвещающих весь царственный город, он заключил их в темницу, потом призвав их к себе для собеседования, долго спорил с ними, но, не будучи в состоянии победить их, изгнал их из города, выхлопотав на это особый царский приказ (так как он был учителем и первым советником царя). Этим приказом святые Феодор и Феофан были сосланы в заточение в страну, известную под названием Сосфений²⁵. Но для преподобных исповедников чужая страна стала ради Христа как бы

отечеством, ибо они всюду готовы были пострадать за Христовы иконы. Вскоре после этого царь Михаил скончался, оставив по себе на престоле сына Феофила²⁶, усерднее других приверженного к иконоборческой ереси и снова воздвигшего гонение на церковь. Снова начали выбрасывать и предавать поруганию святые иконы, снова начали готовить для православных истязания, темницы и судилища, снова возобновились всякого рода неправедные мучительства. Многие, устранившись мук, повиновались, хотя впоследствии и покаялись. В это время постигли новые страдания и Феодора. Царю стало известно, что он непоколебим в своем исповедании и непреодолим в своем слове, и как сам чтит иконы, так учит поступать и других²⁷. Тотчас же нечестивый царь приказал взять преподобного Феодора на суд, и вот, по царскому повелению, привели блаженного, вместе с братом его Феофаном и другими православными, к городскому епарху на истязание. Когда, после долгого словесного спора, ласкательств и угроз правителя, Феодор не склонился на его убеждения, то блаженного обнажили и в течение долгого времени сильно били толстыми плетьюми. Когда же мучители перестали его бить, он стал посреди судилища

нагой и окровавленный, украшенный перед ангелами и людьми полученными за Христа, ранами. Епарху показалось неприличным это зрелище, но святой сказал:

- Я борец и вышел бороться к врагам за иконы Господа моего, борцы же выходят на борьбу обыкновенно нагими. Если я увижу изнемогающим кого-нибудь из верных, терпящих теперь от вас раны, то тотчас же, вместо него, подставляю под удары свое тело. И этим пополню недостаток его терпения. Вот для чего стою я нагим!

О сильный муж! О свободная речь! О усердие к Богу! После того Феодор с братом снова были посланы в заточение в Афусию²⁸. Кто расскажет злострадания, вынесенные ими на пути и в указанном месте: оковы, бури, голод, солнечный зной, ночной мороз, клеветы, ежедневное умирание и восстания? Кто подробно сочтет новые раны, удары, заушения? Достаточно сказать, что ради Христа они с радостью терпели все эти мучения, вместе с долгим изгнанием.

Прошло два года, и их снова, по царскому приказу, привели в Константинополь и представили на испытание самому царю: ибо очень хотелось ему склонить их в свое зловерие. Что они претерпели в это время, явствует из

написанного ими впоследствии послания к Иоанну, епископу Кизическому²⁹. В этом послании они сами повествуют о себе следующее: "Когда нас привели в царский дворец и мы входили в дверь, то царь показался нам очень страшным и дышащим яростью. Множество придворных отовсюду окружили нас, и мы издали поклонились царю.

Он же свирепым голосом и в резких выражениях велел нам подойти ближе к себе и спросил:

- В какой стране вы родились?

Когда мы ответили: "в Моавитской стране"³⁰, - он снова спросил:

- Зачем же вы пришли сюда?

И прежде чем мы успели ответить, он приказал бить нас по лицу. И долго заушали нас тяжкими ударами, так что мы едва не упали на пол и, если бы я не схватился за одежду бившего меня (говорит Феодор), то упал бы к подножию царского престола, но держась за одежду, я неподвижно принимал удары. Когда нас перестали бить, царь снова спросил:

- Зачем вы сюда пришли?

Мы молчали, и смотрели вниз, так как не пришли еще в себя от страданий, причиненных ударами. Тогда царь яростно обратился к

близстоявшему правителю и, пылая великим гневом и непристойно бранясь, сказал:

- Возьми их отсюда и, заклеив их лица, отдай двум сарацинам³¹, чтобы те отвели их в свою землю.

Невдалеке стоял какой-то стихотворец, державший в руках хартию с написанными относительно нас готовыми стихами.

Царь велел ему прочесть их и прибавил:

- Если стихи плохи, то не смущайся этим.

А тот ответил:

- Достаточно и таких стихов для их поругания.

Кто-то из присутствовавших еще заметил:

- Они, владыка, даже недостойны лучших.

Затем были прочтены следующие стихи:

Так как все любят посещать град,
Где пречистые ноги Бога-Слова стояли
Для восстановления вселенной, -
Явились во всечестном месте
И эти лукавые и нечистые сосуды.
Совершив там много постыдного,
По неверию и злочестию,
Они прогнаны оттуда, как отступники;
Но и прибежав в царствующий град,
И тут не оставили своего неистового буйства.
Посему заклеянные, как злодеи, на лицах.
Осуждаются и снова изгоняются.

Выслушав чтение стихов, царь повелел отвести нас под стражу (так говорили о себе святые). Когда мы вышли, кто-то догнал нас и, повелев вернуться, поспешно доставил нас обратно к царю.

Увидев нас, царь сказал:

- Мне кажется, что, уходя, вы говорили про себя, мы надругались над царем. Но сначала я сам надругаюсь над вами и тогда отпущу вас.

Сказав это, он велел нас раздеть. После того, как нас обоих раздели, первого начали бить меня (говорит Феодор), причем сам царь помогал истязателям и непрерывно кричал:

- Бей сильнее!

И били меня по плечам и по груди без всякой пощады и милости. Пока меня били, я громко восклицал:

- Мы ни в чем не согрешили против тебя, царь!

А также:

- Господи помилуй! Пресвятая Богородица, приди к нам на помощь!

Затем стали бить моего брата, который взывал подобным же образом:

- Пресвятая Богородица, бежавшая с Сыном Своим в Египет, призри на мои мучения!

Господи, Господи, избавляющий слабого от рук сильнейших, не отыми помощи Твоей от нас!

В волю надругавшись над нами, царь снова велел отвести нас под стражу".

Все это написали о себе к епископу Кизическому сами доблестные страдальцы.

Спустя четыре дня, их снова привели к епарху, который ласково сказал им:

- Только раз причаститесь св. Тайн вместе с нами, и я отпущу вас идти, куда захотите.

Но блаженный Феодор ответил ему:

- Твое предложение, епарх, похоже на то, как если бы кто-нибудь сказал мне: об одном молю тебя, позволь только отсечь тебе голову, а затем можешь идти, куда хочешь. Знай, что отвратить нас от правоверия так же трудно, как переставить небо и землю так, чтобы земля стала наверху, а небо внизу.

Тогда епарх приказал заклеить им лица начертанием на них вышеуказанных стихов.

Недавно полученные страдальцами раны еще не зажили и причиняли им страшную боль.

Несмотря на это, их растянули на досках лицами кверху и начали колоть им лица нарочно приготовленными орудиями, выбивая на них вышеприведенные стихи. Весь день мучили их этим начертанием, и, только когда зашло солнце и наступили сумерки, мучители прекратили истязания. Уходя от епарха, начертанные страдальцы сказали:

- Знайте все находящееся здесь, что стоящий на страже рая херувим отступит при нашем приходе, увидев на наших лицах эти начертания, и опустит свое пламенное оружие, открывая нам свободный доступ в рай. Ибо еще от века не было этого нового мучения, причиненного нам ныне. И во всяком случае эти начертания будут и на лице Христовом, и на вас падет вина в сем, ибо Он говорит: **"Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне"** (Мф. 25:40).

После этого нового и бесчеловечного мучения, понесенного за святые иконы, когда кровь еще не перестала струиться, святых заключили в темницу, а затем по повелению вышеупомянутого Иоанна, бывшего в то время патриархом, - снова сослали в заточение в Апамею Вифинскую³². При этом был отдан приказ, чтобы, когда они там умрут, не сподоблять их тела погребения, но выбросить далеко за город, как трупы животных. По пути на место заточения святых исповедников, случилось им пройти мимо того острова, где жил в то время, также в заточении за святые иконы, святой Мефодий³³, впоследствии патриарх цареградский³⁴. Он сидел там запертый в гробовой пещере с двумя разбойниками и получал пищу от какого-то рыбака. Случайно

встретившись по дороге с этим рыбаком, святые разузнали от него все о святом Мефодии. Не имея возможности увидеться с ним, по жестокости сопровождавших их воинов, они написали и послали к нему, при помощи того же рыбака, следующее небольшое стихотворение:

Живому мертвецу и мертвому животворцу,
Живущему на земле и попирающему землю,
Пишут начертанные, узники узнику.

Святой Мефодий утешился духом, прочтя эти стихи, а узнав еще о преподобных страстотерпцах из рассказа рыбака, он воздал благодарение Богу, укрепившему их на такой подвиг и написал им стихами же следующее:

Вписанных в книги небесные,
Двух, запечатленных по лицу,
Тех, кто погребен раньше смерти,
Приветствует соузник живопогребенный.

Ведомые воинами преподобные достигли Апамеи, неся на челах достоверные знамения своей благочестной веры во Христа, там они были заключены в темницу. Будучи уже преклонного возраста, преподобный Феодор изнемог здесь от многочисленных ран и перенесенных трудов. В день памяти святого первомученика Стефана³⁵ он почил о Господе и отошел в вечное успокоение, оставив самое многострадальное тело в оковах за Христа

подъятых. Преподобный Феофан, его брат по плоти и по духу, оплакав свое разлучение с братом и пропев надгробные песнопения над ним, положил его в деревянный гроб.

Рассказывают, что один великий по своим добродетелям старец случайно был в Апамее во время преставления преподобного Феодора и услышал ангельское пение, с высоты возвещавшее о торжественном восшествии души мученика, вместе с ангелами, на небо. По смерти царя Феофила, церкви был дарован мир. Благочестивая царица Феодора с своим сыном Михаилом³⁶ возвратила из заточения всех святых отцов и воздала им честь и хвалу. Тогда освободили от темничного заключения и святого Феофана. Он вместе с прочими пришел в Царьград, неся на своем челе знамения своей победы над зловерием, и был почитаем среди святых отцов, как херувим среди ангелов. В первую неделю святой четыредесятницы были с великим торжеством внесены в церковь святые иконы³⁷. На это торжество блаженный Феофан написал и воспел прекрасный канон³⁸.

Затем он был поставлен в митрополиты города Никеи и рукоположен святым патриархом Мефодием, тем самым, который был раньше заключен в гробовой пещере. Таким-то образом воссиял свет православия, и благодатью

Христовою совершенно была прогнана тьма иконоборческой ереси, в течение 120 лет смущавшая и помрачавшая Божию Церковь. Вскоре после того были перенесены из Апамеи в Халкидон³⁹ мощи исповедника Христова, преподобного Феодора⁴⁰, причем от них подавалось много исцелений во славу Христа Бога, со Отцом и Духом славимого вовеки. Аминь.

1 Изображение св. Феофана см. в Октябрьской книге "Жития святых", на с.245.

2 Отцом преподобного был пресвитер Иона, скончавшийся в монастыре св. Саввы Освященного, память коего празднуется 5 декабря. Память пресвитера Тоны совершается 22 сентября.

3 Разумеется тот же самый монастырь Саввы Освященного, где впоследствии скончался отец святого Феодора.

4 Внешняя мудрость - то же, что мудрость мирская, которая называлась так в отличие от религиозного знания, именуемого мудростью духовною, внутреннею.

5 Лавра или монастырь св. Саввы.

6 Император Лев Исаврянин (717-741 г.) был первым иконоборцем, издавшим повеление

выбрасывать св. иконы из церквей и уничтожать их.

7 Император Константин Копроним (с 741 по 775 гг.) сильно поддерживал иконоборческую ересь. Он созвал в Константинополе собор, названный им Вселенским, на котором отвергнуто было иконопочитание.

8 Император Лев, по прозванию Хозар, царствовал с 775 по 780 г. Он поддерживал иконоборчество, но слабо.

9 VII Вселенский собор был созван в Никее в 887 г. Он утвердил иконопочитание, а собор, бывший при Константине Копрониме, признал еретическим.

10 Св. царица Ирина, супруга Льва Хозара, сначала, по смерти мужа, управляла империей за малолетством сына своего, императора Константина Порфирородного (с 780 по 792 г.), от его имени, а потом от своего (с 797 по 802 г.).

11 Император Лев Армянин царствовал с 813 по 820 г.

12 Император Никифор I царствовал с 802 по 811 г.

13 Император Михаил I Рангав царствовал с 811 по 813 г.

14 Св. патриарх Никифор управлял Константинопольскою церковью с 806 по 815 г.;

скончался в 828 г. в заточении; память его празднуется 13 марта и 2 июня.

15 Индийские ароматы - ароматы, привезенные из Индии. Индия - страна, находившаяся на большом южном полуострове восточной Азии, издавна славилась своими благовонными растениями.

16 Св. патриарх Тарасий управлял Константинопольской церковью с 784 по 806 г. При нем был созван VII Вселенский собор, утвердивший иконопочитание.

17 Мелисса - город во Фригии, которая обнимала всю среднюю часть западной половины малоазийского полуострова.

18 Проконисс - остров на Мраморном море, ныне Мариара; служил местом ссылки для многих исповедников во время иконоборческих смут.

19 Разумеется св. Феофан, сын Константинопольского вельможи, постригшийся в иночество по смерти императора Льва Хозара, при котором он занимал высокое положение. Память его совершается 12 марта. Обитель "Великое село" находилась недалеко от Константинополя в лесистых горах Сигрианских, на берегу реки Ривдака.

20 Феодор Студит - настоятель знаменитого Студийского монастыря. Память его празднуется 11 ноября.

21 Влахерны - местность в Константинополе на западной стороне города. Во времена процветания Византийской империи славилась по всему Востоку своими святынями. Особенно известны были Влахерны по Богородичной Церкви, построенной императором Львом I Великим (с 457 по 174 г.), при котором в эту церковь в 474 г. были положены честные ризы Пресвятой Богородицы, перенесенные из Палестины. Здесь же, вместе с одеждою Богородицы, хранились в златокованном ковчеге головной покров Ее (омофор) и часть пояса.

22 Наименование: Травлий - латинское, а Валвос (Балба) - греческое. По-русски то и другое значит: Косноязычный. Этот Михаил сделался впоследствии императором и царствовал с 820 по 829 г.

23 Аморея - город в малоазийской провинции - Фригии.

24 Здесь разумеется Иоанн Грамматик, воспитатель царя Феофила, впоследствии (с 832 по 842 г.) патриарх Константинопольский; умер в заточении.

25 Сосфений - местность в окрестностях Константинополя.

26 Император Феофил царствовал с 829 по 842 г.

27 Памятниками этой просветительной деятельности св. Феодора являются поучения, оставшиеся от него. Ему же приписывается "Размышление о почитании икон" и книга "О православной вере".

28 Афусия, иначе Офиусса, - остров близ Царьграда.

29 Кизик - город в северо-западной части Малой Азии, на южном берегу Мраморного моря.

30 Моавитская страна находилась в Палестине, на восточном берегу Мертвого моря. Границами ее были - на запад - Мертвое море, на север - колено Рувимово, на восток - Аравийская пустыня, на юг - Идумея.

31 Так назывались у христианских писателей все мусульмане, в особенности же - аравитяне.

32 Апамея Вифинская так называлась в отличие от Апамеи Сирской. Вифиния - северо-западная область Малой Азии.

33 Память св. Мефодия совершается 14 июня.

34 с 842 по 846 г.

35 Память первомученика Стефана совершается 27 декабря, когда совершается память и св. Феодора Начертанного.

36 Император Михаил III (с 842 по 867 г.) вступил на престол 4-х лет, а потому государством до 855 г. управляла мать его, св. царица Феодора.

37 Это было 19 февраля, 842 г. День этот был назван днем торжества православия и его положено было праздновать ежегодно в первое воскресенье великого поста.

38 Феофан оставил после себя много сочинений в защиту православия, в особенности известен, как писатель канонов, число коих достигает до 148. Лучшие каноны его - канон на неделю православия, все каноны апостолам и об усопших. Кроме того, св. Феофан писал и стихиры на некоторые дни.

39 Халкидон - находился против Константинополя, на малоазийском берегу Босфора.

40 Это было еще при жизни брата его Феофана, который написал св. Феодору канон с акростихом: твои, брат, истинные сплетаю хвалы.

